

Вечерний воздух в доме Уизли в Оттери-Сент-Кэтчпоул был пропитан напряжением. Молли вернулась с мужем Артуром, и его лицо было мрачнее грозовой тучи. — Итак, Молли, — начал он, голос его был холоден и суров, — я пользуюсь привилегиями главы семьи и распоряжаюсь им. Молли, застигнутая врасплох, беспокойно повернулась к нему. — Артур? — прошептала она, чувствуя, как сердце её сжимается от предчувствия беды. — Я знаю, что ты рассказал аврорам, когда они допрашивали тебя... — Я хочу услышать от тебя правду, — прервал её Артур, не давая уклониться от неприятного разговора. — Без всяких уклонений. Он пристально смотрел на неё, и Молли, понимая, что увилывать бесполезно, кивнула. — Вы были на маггловской стороне платформы девять и три четверти в Кингс-Кросс на первом году обучения Рона в Хогвартсе и ждали прибытия юного Гарри Поттера? — спросил он, голос его был тих, но в нём звучала невыносимая угроза. — Артур, что за ужасные вещи ты сказал? — попыталась она отмахнуться, но он прервал её резким рыком. — Отвечай! — громыхнул он. — В тот год ты находилась на маггловской стороне платформы девять и три четверти, ожидая прибытия Гарри Поттера? — Да, — прошептала она, чувствуя, как её колени подгибаются. — Дамблдор предупредил меня, что юный Гарри может не знать, как попасть на платформу, и попросил меня присмотреть за ним. — Он просил Вас подождать там ещё кого-нибудь из студентов? — продолжал гнуть свою линию Артур, не давая Молли перевести дух. — Нет, только юного Гарри, — ответила она, голос её дрожал. — И это вас не насторожило? Что он просил вас помогать только юному Гарри? — спросил он, его глаза сверкали от гнева. — Нет, — прошептала она, чувствуя, как её щёки заливаются румянцем. — А почему вы нарушили при этом Статут секретности? — продолжал Артур, не отпуская её из своей хватки. — Я подумала, что если он услышит, как я упоминаю магглов и как Джинни упоминает Платформу девять и три четверти, то это привлечёт его к нам. — И почему же ты не наложила на себя и детей маггловские чары "Заметить-не заметить", прежде чем сделать это? — прорычал он, голос его был похож на раскаты грома. — Я не думала, что это сработает! — отчаянно выкрикнула Молли, чувствуя, как её разум отказывается принимать реальность. — Сработало бы, — отрезал он, и в его голосе послышалось презрение. — Значит, раз Альбус Кровавый Дамблдор попросил тебя об этом, ты просто решила нарушить Статут секретности, так что ли? — потребовал он, не давая Молли оправдаться. — Альбус сказал, что всё будет в порядке и никакого вреда не будет! — завопила она, в отчаянии пытающаяся защитить себя. — Он солгал, глупая женщина! — ответил он, голос его был полон злобы. — Никто, даже Альбус Дамблдор, не имеет права нарушать Статут секретности ради такого пустяка, как то, что маленький мальчик может легко найти их на оживлённой маггловской железнодорожной платформе! Он дал этой фразе немного времени, пока его жена опускалась на кухонный стул и всхлипывала. — Не то чтобы можно было вызвать членов Отряда Обливиэйт и все легко и просто исправить, — продолжал он, голос его звучал как грохот лавины. — Вы находились на железнодорожной станции, а поезда приходят и уходят с большой регулярностью. К тому времени, когда Обливиаторы смогли бы прибыть туда, чтобы всех Обливидировать, сотни людей уже вышли бы из дверей и ушли пешком, или на машинах, автобусах, такси, или на полудюжине различных поездов, идущих в разных направлениях. Невозможно, чтобы Обливиаторы нашли их всех! — Это значит, Молли, что тебе чертовски повезло, что ни твои крики о "всех этих магглах", ни крики Джинни о "платформе девять и три четверти" не попали в широкий маггловский мир. Если бы это случилось, вы бы сейчас не имели ни малейшего представления о том, кто вы на самом деле, так как у вас бы вырвали палочку, лишили бы вас магии, лишили бы всех знаний о волшебном мире и выбросили бы на улицы маггловского Лондона! — прорычал он, в его голосе звучала неизбежность судьбы. — Вы это знаете! Это один из основополагающих законов нашего мира! Не так уж много преступлений, за которые полагается более суровое наказание, и в их число входят Непростительные! — Если бы с того вокзала дошли слухи о твоих действиях в маггловский мир, то дети остались бы без матери, Джинни отправили бы к Мюриэль, потому что я не смог бы за ней присматривать, и ещё много чего, о чём я не хочу думать. — продолжал он, голос его звучал как режущий нож. — Считайте,

что вам чертовски повезло, что единственным наказанием для вас стал крупный штраф. Штраф такого... объема... Мне придется обратиться к как можно большему числу родственников и друзей, чтобы накопить достаточно денег для его уплаты!— Мы не занимаемся благотворительностью! — завопила она, в её голосе звучала отчаяние. — Отлично! — промурлыкал он в ответ. — Тогда тебе лучше начать показывать мне, где что лежит в этом доме, чтобы я мог содержать его в чистоте и порядке. Потому что, если мы не попросим помощи в уплате твоего штрафа, нам не хватит. А это значит... что ты отправишься в Азкабан на пять лет. Молли разразилась новыми стенаниями и рыданиями. Артур оставил её наедине с собой, ничуть не заинтересованный в её утешении. — Далее, — твёрдо сказал он, в его голосе звучала железная решимость. — Расскажите мне о деньгах, которые были переведены из хранилища лорда Поттера в хранилище на вашу девичью фамилию. — Я думала, что это деньги Альбуса, — всхлипывала она, чувствуя, как её силы уходят. — Я и представить себе не могла, что это из хранилища юного Гарри. — Вы только что сказали мне, что мы не принимаем благотворительность, — сказал он, в его голосе звучала непробиваемая логика. — Так за что же он вам заплатил?— Он сказал мне, что деньги были получены из стипендиального фонда, специально созданного для чистокровных семей, — пояснила она, пытающаяся отстоять свою позицию. — Однако они должны были поступить в хранилище под моей девичьей фамилией, так как дом Уизли из-за... статуса дома Уизли... не имел права получать эти средства. — Угу! — сказал он, не выходя убежденным. — Я думал, вы только что сказали мне, что мы не принимаем благотворительность. — Это не благотворительность, это стипендия, — тут же возразила она, пытающаяся защитить свою репутацию. — Это не стипендия, это воровство! — закричал он, его голос был полон гнева. Молли снова зарыдала. То ли потому, что она искренне сожалела о содеянном, то ли потому, что была недовольна тем, что ее поймали, Артур не знал, да и ему было все равно. Не желая затягивать этот разговор, Артур опустил его и продолжил. — Авроры также приказали тебе... и, соответственно, всем нам, Уизли... не иметь ничего общего с Гарри Поттером до дальнейших распоряжений, — прорычал он, в его голосе звучала жестокость. — Это значит, что его не будут приглашать погостить у нас, здесь; не будут посылать ему подарки на Рождество или день рождения; не будут просить детей делать это за вас; и, помимо всего прочего, но не ограничиваясь этим, не будут посылать ему никаких Ревунов! Я понятно объяснил тебе, Молли Уизли?— Да, Артур, — всхлипнула она, её голос был полн безысходности. — А теперь, — сказал он гораздо спокойнее, в его голосе звучала холодная решимость. — Я должен пойти и написать детям, чтобы они знали, что в обозримом будущем им следует держаться подальше от Гарри Поттера, иначе. И это "иначе" будет включать в себя отречение от этой семьи. — Мы будем ждать, пока он соизволит с нами связаться! Конечно, если он вообще выйдет на связь.